

УДК 81'367.624: 811.112.2

Н. М. Биккулова

**Функции релятивных темпоральных и локальных наречий
в пространственно-временной организации художественного текста
(на примере немецкого языка)**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с пространственно-временной организацией текста, в частности функции временных и пространственных наречий при смене временных, субъектных и пространственных планов повествования в художественном тексте на примере отрывков из произведений немецкоязычных писателей.

Ключевые слова: текст, пространственно-временная организация повествования, темпоральные наречия, локальные наречия, временные планы, пространственные планы, субъектные планы, смена.

Художественный текст, являясь продуктом вторичного моделирования объективного мира, включает его основные категории — пространство и время. Становясь частью художественного текста, пространство и время приобретают трёхчастную структуру, вмещающая в себе свойства реального (физического), концептуального и перцептуального пространства и времени. Особое значение при изучении структурной организации художественного произведения имеет перцептуальное пространство и время, то есть прежде всего пространство и время представления и воображения, которое играет подчиняющую роль по отношению к концептуальному пространству и времени как отображению реального историко-хронологического фона повествовательной ситуации.

Пространственно-временной континуум, то есть определённую последовательность фактов, событий, развёртывающихся во времени и пространстве, который представляет собой особое художественное осмысление категорий времени и пространства объективной действительности, И. Р. Гальперин выделяет в качестве одной из основных категорий текста [5, с. 97]. Временные и пространственные параметры художественного текста существенно отличаются от тех же параметров других типов текста. Создавая воображаемый мир с вымышленными лицами в условном пространстве и времени, автор может сжимать, расширять, обрывать и вновь продолжать время действия и пространство в зависимости от заданной содержательно-фактуальной информации.

В художественном тексте воплощается объективно-субъективное представление автора о времени и пространстве, в котором объективность или достоверность художественного образа времени и пространства обусловлена гносеологической природой текста, то есть в тексте отображаются знания автора об объективной реальности. Субъективность художественного образа времени и пространства детерминирована тем, что в нём находят отображение знания автора о реальной действительности, которые обусловлены намерением, мировоззрением, творческим замыслом автора. Эстетическое осмысление временных и пространственных координат художественного произведения предполагает наличие нескольких голосов или нескольких точек зрения, что позволяет говорить о множественной антропологической обусловленности изображённого времени и пространства с точки зрения автора художественного текста и с точки зрения персонажей текста [1, с. 170].

Проанализируем роль релятивных временных наречий *da*, *plötzlich* в пространственно-временной организации художественного текста на материале произведений современ-

© Биккулова Н. М., 2013

ных немецких авторов. Данные наречия отличаются от релятивных наречий типа nun, damals, morgen, которые соотносятся с определённым временным планом и способны переключать повествование из одной временной плоскости в другую [4, с. 127], тем, что они выступают в качестве пограничных сигналов, указывающих на смену временных планов в силу своего лексического значения, в основе которого лежит сема «смена», «изменение». Например, в следующем фрагменте текста наречие plötzlich служит сигналом перехода от «настоящего» рассказчика, переданного в форме претерита, к ретроспективному повествованию, переданному в форме исторического презенса.

...Ich stehe mit sieben Jahren hinter der Tür des Ballsaales, ratlos ergriffen von dem Glück, dem alle nachtanzen.

Der Saal hat einen zarten, hellen Geschmack, später werde ich wissen, dass dies Rokoko heißt und gut zehn Jahre vor dieser Zeit sich von Paris aus verbreitet hat. Auch die Masken gingen von dort aus, auch die Tänze...

Glanz und Höhe aber war der Maskenball. Zuletzt kamen immer „lebende“ Bilder, zur Schaustellung der eigenen Schönheit und Bedeutung in Situationen, die endlich ihrer würdig waren. Der Knabe hinter seiner Tür wartete angstvoll, ob es ihm gelingen werde, auch noch die lebenden Bilder zu sehen.

Plötzlich wird die Tür von mir fortgezogen, jemand hat mich gerufen. Es ist einer der Lohndiener, er ruft mir zu [Mann H. Kind, s. 224].

В данном отрывке, представляющем собой повествование от I лица, рассказчик дистанцируется от изображаемого и наблюдает себя в детстве с позиции своего «настоящего», как бы со стороны, что передаётся употреблением претерита, а также существительного der Knabe и личного местоимения er. Фрагмент текста, вводимый наречием plötzlich, выделяется графически началом нового абзаца.

Кроме указания на изменение временной перспективы повествования наречия da, plötzlich играют определённую роль в изменении повествовательной перспективы, маркируя переходы различных планов повествования (авторского и персонажного), разделяя и соединяя различные композиционно-речевые формы повествования. Обратимся к примеру.

Bald konnten sie kommen, bald, solange seine alt gewordene, des Beilschlagens kaum mehr mächtige Hand noch sicher war, ein Ziel zu finden, wenn er den Lauf der Waffe vor dieses Gelichters gleichgültige Mordgesichter hob, vor ihre stumpfsinnige Nashorngrimassen, vor ihre, ihre — und da befahl Barlach plötzlich ein Frost. Er lehnte sich an die schwanken Haselnußstauden [Fühmann F. Barlach in Güstrow, s. 251].

В данном фрагменте текста наречие da вместе с графическим средством выделения отдельных смысловых отрывков, тире, сигнализирует о переключении персонажного плана повествования, которое представляет собой несобственно-прямую речь персонажа, о чем свидетельствует употребление экспрессивной лексики с негативным оттенком (gleichgültige Mordgesichter, stumpfsinnige Nashorngrimassen), лексический повтор (bald konnten sie kommen, bald, vor ihre Nashorngrimassen, vor ihre, ihre), на авторское повествование.

Рассмотрим подробнее следующий пример.

...er (der junge Soldat. — N. B.) dachte voll Neid, dass die Langgedienten wieder einmal die Glücklicheren gewesen waren und im Kampf gestanden und einen leibhaftigen Partisanen zur Strecke gebracht hatten, während er eine sterb... — doch er dachte dieses Wort und diesen Satz nicht zu Ende und wußte, da er diesen Gedanken so plötzlich mitten im Wort abbrach, dass

sich in seinem Leben etwas ereignet hatte, an das er nicht mehr rühren durfte... Da hörte er, diesmal laut und deutlich, den Unteroffizier seinen Namen rufen [Fühmann F. Die Schöpfung, s. 135].

Наречие *da* является показателем перехода от персонажного плана к авторскому плану повествования. Персонажный план представлен в форме внутренней речи, формальным показателем которой является глагол *denken*. Временные формы не играют существенной роли при разграничении разных субъектных планов повествования, так как в обоих случаях употребляется претерит, а плюсквамперфект, встречающийся в персонажном плане, указывает только на ретроспективный характер некоторых действий.

Наречие *da* может указывать на переход от одной композиционно-речевой формы к другой, что иллюстрирует следующий пример:

Ich sprang aufs Verdeck, um nahe am Steuerrad zu sitzen. Das Schiffsglößchen läutete, das Seil wurde eingeholt, der Dampfer drehte. Sein weißer, glitzernder Bogen von Schaum grub sich in den Fluß ein. Mir fielen alle weißen Schaumritzen ein... Da stellte sich plötzlich Fräulein Sichel vor mich [Seghers A. Der Ausflug der toten Mädchen, s. 193].

В данном фрагменте текста «динамическое описание», которое характеризуется изображением одновременного протекания нескольких действий, переданных в форме однородных предложений и соединённых бессоюзной, сочинительной связью, переключается наречием *da* на композиционно-речевую форму «сообщение».

Итак, можно сказать, что приведённые примеры подтверждают, что временные наречия *da*, *plötzlich* могут выполнять разделительную и связующую функцию между различными временными, субъектными планами повествования и композиционно-речевыми формами при отсутствии дифференциации грамматическим путём посредством временных глагольных форм.

Реальное высказывание характеризуется не только временной соотнесённостью с действительностью, которая включается в категорию предикативности и рассматривается как один из обязательных признаков предложения, но и локальной соотнесённостью с действительностью. Временная и локальная соотнесённость высказывания с действительностью, будучи явлениями однопорядковыми, образуют единую локально-временную ось высказывания, отсюда вытекает возможность участия не только релятивных наречий времени типа *nun*, *damals*, *morgen*, но и релятивных локальных наречий *da*, *hier*, *dort* в изменении повествовательной перспективы повествования. Например, наречие *da* может выступать полифункциональным средством и совмещать одновременно функцию различения субъектных планов повествования и разных пространственных отношений.

Und nun sitzen Klapats also in der Kirche, Klapat in SA-Uniform, Lina im Schwarzseidenen.

Das ganze Testament. Nein, Herr Klapat ist nicht fertig damit. Direkten Grund zum Aufstehen hat es nicht gegeben, höchstens vorhin wegen dem Frieden, jetzt im Krieg, aber man geht doch wohl Weihnachten in die Kirche, weil Weihnachten ist. Und jetzt: Das ist das Buch von der Geburt. Da wird etwas getan: Frieden, wo jetzt Krieg ist. Paßt alles nicht, hinten und vorne nicht, denkt Klapat.

Da liegt er im Bett, nachts, und es ist alles vorbei [Bobrowski J. Erzählungen, s. 127].

В данном фрагменте текста сначала действие происходит в церкви, где Клапат со своей женой слушает проповедь священника и рассуждает, стоит ли ему уйти или остаться, потому что он не согласен со священником, проповедующим мир в то время, когда идёт война, а затем действие переносится в другое пространство — Клапат лежит в постели. Наречие *da*, с одной стороны, указывает на переход от персонажного плана повество-

вания, переданного в виде несобственно-прямой речи, к авторскому повествованию, а с другой — маркирует совместно с субстантивной группой локального значения новое пространственное отношение.

В следующем примере наречие *da* также многофункционально, поскольку оно указывает не только на начало иной композиционно-речевой формы, но и является маркером изменившегося пространственного отношения.

Es ist eine scheußliche Musik, aber sie läßt einen nicht los. Natürlich muß man diesen Saufilm verbieten. Es ist ganz raffinierte Stimmungsmache, eine Schweinerei. Es ist wirklich keine genügende Ursache, die Disziplin aufzusagen, weil ein Stück Fleisch madig ist. Da haben wir im Krieg ganz anderes herunterfressen müssen, mein Lieber. Dennoch ist Klenk nicht recht für die Offiziere, ja er ist eher für die Matrosen. Da stehen sie, die vorhin das Maul so weit aufreißen konnten, in einem armen, zitternden Haufen... [Feuchtwanger L. Panzerkreuzer Potjomkin, s. 81].

Первое наречие *da* вводит внутреннее обращение персонажа, господина Кленка, к режиссёру фильма „*Da haben wir im Krieg ganz anderes herunterfressen müssen, mein Lieber*“. Второе наречие *da* в предложении „*Da stehen sie... in einem... Haufen*“ маркирует переход повествования с размышлений баварского министра Кленка, сидящего в зрительном зале перед экраном, на сообщение о событиях, происходящих на экране, то есть происходит одновременно чередование композиционно-речевых форм «рассуждение» и «сообщение» и изменение пространственной соотнесённости повествования с действительностью. Для композиционно-речевой формы «рассуждение» характерным является присутствие оценочного компонента (*raffinierte Stimmungsmache, keine genügende Ursache*), употребление эмоционально окрашенной (*scheußliche Musik*) и социально сниженной лексики (*Saufilm, Schweinerei, herunterfressen*), модальных слов (*natürlich, wirklich*). Наречие *da* выступает у Л. Фейхтвангера в данном рассказе средством, сигнализирующим о смене отдельных кадров фильма, и следовательно, средством, указывающим на изменение пространственных отношений: *Da reißt es einem aus dem Groß die Zähne auf. Da beginnt das verurteilte Schiff, Zeichen zu geben.*

Временная и пространственная соотнесённость повествования с действительностью образуют единое целое, между составляющими которого существуют сложные и противоречивые отношения. С одной стороны, всякое изменение временной соотнесённости влечёт за собой изменение пространственной соотнесённости повествования с действительностью, как утверждают Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс [6, s. 277]. Следующий пример подтверждает это мнение.

Sonst schien der Raum leer, am Boden verstreut lagen Hühnerfedern; es roch nach Zwiebeln, Ziegen und Rauch. Der junge Soldat schüttelte sich, die Tiere!, so dachte er ein zweites Mal, wie können Menschen denn bloß so hausen! Er mußte an die hellen, sauberen Häuser in Deutschland denken; ...er dachte an die anheimelnden, von roten Rosen umsäumten und mit Schnitzereien an Giebel und First verzierten Fischerhäuser an Deutschlands Küste, die er gesehen hatte, als er zum Arbeitsdienst an die Memel gefahren war; er dachte daran, wie schmuck und wohnlich sie sogar ihre Baracken dort eingerichtet hatten [Fühmann F. Die Schöpfung, s. 129].

В данном фрагменте текста иной временной пласт повествования передаётся не только временной формой плюсквамперфект (*gesehen hatte, gefahren war, eingerichtet hatten*) на фоне претерита, но и подчёркивается употреблением наречия *dort*, указывающим на изменение пространственной перспективы повествования.

Но, с другой стороны, изменение временной соотнесённости повествования не всегда приводит к изменению пространственных отношений, что является отражением асимметрии понятий «пространство» и «время». Так, например, локальное наречие *hier* объединяет несколько разновременных пластов в едином пространственном плане.

Barlach sah es verklärt: Hier hatte er im Dunkel seiner Werkstatt, des Pferdestalls, sechzehn Jahre gewirkt; hier war der Engel entstanden; hier hatte er den Moses gehauen, hier hatte er nach dem Krieg die Gemarterte Menschheit geschnitzt, hier waren all die gefesselten und gemarterten Hexen entstanden; hier war Ruhe gewesen und Arbeitsbesessenheit [Fühmann F. *Barlach in Güstrow*, s. 248].

Известный скульптор Барлах, находясь в своей мастерской, в которой он творчески проработал 16 лет, вспоминает, какие произведения он создал в течение этих долгих лет своей жизни.

Обобщая изложенное выше о роли релятивных локальных наречий в изменении повествовательной перспективы, можно сказать, что они полифункциональны, то есть наряду с изменением пространственных отношений в повествовании они выполняют и те функции, которые обычно присущи релятивным наречиям времени. Характерной особенностью функционирования релятивных локальных наречий в тексте является их синсемантическая, эгоцентричность и соотнесённость с другими автосемантическими локальными параметрами.

Список использованной литературы

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М. : Академический Проект, 2004. 464 с.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. М. : Наука, 2006. 496 с.
3. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 257 с.
4. Биккулова Н. М. Роль лексических и грамматических средств темпоральной семантики в структурировании текста // Проблемы семантики и перевода в свете типологии языков и контрастивной лингвистики : материалы межрегион. науч. конф. Уфа, 2001. С. 127—130.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 138 с.
6. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. Moskau : Verlag Hochschule, 1975. 316 s.
7. Hermes E. *Analyse und Interpretation erzählender Prosa*. Stuttgart ; Düsseldorf ; Leipzig : Ernst Klett Verlag, 2006. 125 s.

Список использованной художественной литературы

- Bobrowski J.* Erzählungen. Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1978. 163 s.
Fühmann F. Erzählungen 1955—1975. Rostock : Hinstorff Verlag, 1982. 551 s.
Mann H. Enttäuschung. Novellen. Berlin : Aufbau Verlag, 1983. 280 s.
Seghers A. Erzählungen. Berlin ; Weimar : Aufbau Verlag, 1974. 605 s.

Поступила в редакцию 26.03.2013 г.

Биккулова Нурия Мингазетдиновна, кандидат филологических наук, доцент
 Оренбургский государственный педагогический университет
 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
 E-mail: ospu-lmz@yandex.ru

UDC 81'367.624: 811.112.2

N. M. Bikkulova

Functions of relative temporal and local adverbs in the temporal and local organization of literary text (based on German texts)

The article deals with the problems of temporal and local organization of the text, in particular with the functions of temporal and local adverbs at the shift of temporal, local and subjective narrative planes in the literary text based on extracts from the works of German writers.

Key words: text, local and temporal text organization, temporal adverbs, local adverbs, temporal planes, local planes, subjective planes, shift.

Bikkulova Nuriya Mingazetdinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: ospu-lmz@yandex.ru